

Марина Абрамович

ПРОЙТИ
СКВОЗЬ СТЕНЫ

Автобиография

Издательство АСТ
Москва
2019

УДК 821.161.1-9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
А 16

Марина Абрамович
А16 Пройти сквозь стены. Автобиография / Марина Абрамович —
Москва: Издательство АСТ, 2019 — 344. — (В ритме эпохи)

ISBN 978-5-17-110916-5

Автобиография Марины Абрамович — это вербальное высказывание, дышащее такой же силой и бесстрашием, как и ее в основном невербальные художественные перформансы. Она с присущим ей сухим юмором рассказывает о детстве и юности, которые прошли под жестким контролем авторитарной матери, о своем искусстве, пронизанном неисчерпаемым любопытством и желанием познать людей. Центральная часть книги посвящена ее отношениям и коллаборации с художником Улаем — отношениям, которые после 12 лет завершились совместным зрелищным перформансом на Великой Китайской стене.

УДК 821.161.1-9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
ISBN 978-5-17-110916-5

©Марина Абрамович, текст
© Катя Ганюшина, перевод
© ООО «Издательство АСТ», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Благодарность.	4
Глава 1	6
Глава 2	38
Глава 3	62
Глава 4	81
Глава 5	100
Глава 6	115
Глава 7	150
Глава 8	173
Глава 9	202
Глава 10	233
Глава 11.	263
Глава 12	293
Глава 13	313

БЛАГОДАРНОСТЬ

Я бы не смогла пройти сквозь стены одна.

Прежде всего я бы хотела выразить глубочайшую благодарность Джеймсу Каплану. Он выслушивал меня несчетное количество часов и помог рассказать мою историю. Его желание понять мою жизнь тронуло меня до глубины души.

Я сердечно благодарю Дэвида Куна, убедившего меня, что пришло время написать мемуары, и ставшего моим неустанным гидом в литературном мире, а также благодарю Николь Туртелот.

Спасибо моему издателю Молли Штерн за то, что она открыла свое сердце моей истории и увидела в ней потенциал.

Я более чем признательна моему редактору Тришии Боцковски за ее блестящие комментарии, постоянную поддержку и за понимание моего славянского чувства юмора.

Мне было отрадно работать с высоко профессиональной, полностью посвящающей себя делу, командой Краун Аркетайп: Дэвид Дрейк, Пенни Симон, Джесси Айлен, Джули Кеплер, Мэтью Мартин, Кристофер Брэнд, Элизабет Рендфлиш, Роберт Сик, Кевин Гарсиа, Аарон Блэнк и Уэйд Лукас.

Это благословение работать с жизнерадостными и страстными членами моей команды в ООО «Абрамович»: Джулиано Аргенциано, Элисон Брейнард, Кэси Куцавлес, Поли Мукай-Хэйдт и Хьюго Хуэрта; и в Институте Марины Абрамович: Серж Ле Борнь, Танос Аргиропулос, Билли Жао, Паула Гарсиа и Линси Пейзинджер.

Я хочу поблагодарить галереи, которые поддерживают мое искусство, о котором вы читаете в этой книге: Галерея Шона Келли, Нью-Йорк; Галерея Лиссон, Лондон; Галерея Лиа Румма, Неаполь и Милан; Галерея Лучиано Бритто, Сан-Пауло; Арт Берчи и Компания, Женева; Галерея Кринцингер, Вена; Галерея Брандstrup, Осло.

Я надеюсь, что читая строки этой книги, мой брат Велимир, его дочь Ивана и три моих крестника Владка, Антонио и Немо будут лучше понимать определенные принятые мной решения и сделанные в жизни выборы.

Спасибо Дэйву Гиббонсу за его неоценимую духовную поддержку в профессиональной и личной жизни, а также Рите Капаса за дружбу и сестринскую любовь.

Спасибо чудесным людям, которые помогли мне оставаться здоровой долгое время и в ходе написания этой книги: доктор Дэвид Орентрих, доктор Линда Ланкастер, доктор Рада Гопалан, мой личный тренер Марк Дженкинзм и мой массажист Сара Фолкнер.

Наши пути пересеклись со столькими важными для меня людьми. Если бы только здесь было достаточно места, чтобы указать их всех.

И последнее, я надеюсь, что эта книга вдохновит и научит каждого, что не существует непреодолимых преград, если вы стремитесь к своей цели и любите то, что вы делаете.

— Булбон, Франция, 2016

1.

Однажды утром мы с бабушкой пошли в лес. Было красиво и тихо. Мне было всего четыре года, я была совсем маленькой. Вдруг я увидела что-то очень странное — прямую линию поперек дороги. Мне стало любопытно и я подошла поближе, мне захотелось до нее дотронуться. И в этот момент моя бабушка закричала, да так громко. Я очень четко это помню. То была огромная змея.

Впервые в жизни в тот момент я почувствовала страх, но понятия не имела, чего следовало бояться. На самом деле меня напугал голос бабушки. А змея быстро уползла.

Невероятно, как страх встраивают в тебя твои родители и окружение. А ты столь невинен вначале, что даже не подозреваешь об этом.

Я родом из мрачных мест. Послевоенная Югославия с середины 1940-х по середину 1970-х. У власти коммунистический диктатор генерал Тито. Постоянная нехватка всего и серость повсюду. Есть что-то в коммунизме и социализме — особая эстетика, основанная на уродливости. В Белграде моего детства не было даже монументальности Красной Площади в Москве. Все было каким-то вторичным. Как будто лидеры страны посмотрели на чей-то коммунизм через линзу и построили что-то менее хорошее и более провальное.

Я помню эти коммунальные пространства, выкрашенные в этот грязный зеленый цвет, голые лампочки, светящие серым светом, от которого под глазами образовывались тени. Этот свет вместе с цветом стен делал кожу каждого желто-зеленой, будто все были больны желудком. Что бы ты ни делал, во всем присутствовало ощущение угнетения и отчасти депрессии.

В этих массивных уродливых блочных домах жили целыми семьями. Молодым никогда не давали свое жилье, поэтому в каждой квартире

жило несколько поколений — бабушка и дедушка, молодая пара, а потом их дети. Все это создавало неизбежные сложности — все эти семьи, набитые в очень маленькие пространства. Молодые вынуждены были идти в кино или в парк, чтобы заняться сексом. А о том, чтобы купить что-то новое или красивое, и речи быть не могло.

Шутка тех коммунистических времен. Человек выходит на пенсию, и за выдающиеся трудовые достижения его награждают не часами, а новой машиной, и говорят ему: «Вы — счастливчик! Вы получите свою машину в такой-то день через двадцать лет!». Он спрашивает: «А утром или после обеда?». Официальный представитель удивляется: «А какая вам разница?». «Ко мне сантехник должен прийти в этот день», — отвечает человек.

Моей семье не пришлось пройти через все это. Родители были героями войны, воевали против нацистов в составе югославских партизан-коммунистов под руководством Тито, поэтому после войны они стали членами партии и получили важные посты. Отец был назначен в элитную гвардию генерала Тито, мать стала директором института, осуществлявшего надзор за историческими памятниками и приобретающего произведения искусства для общественных зданий. Она также была директором Музея искусства и революции. Благодаря этому мы пользовались большим количеством привилегий. Мы жили в большой квартире в центре Белграда — улица Македонская, дом 32. Это был большой дом в старом стиле 1920 года постройки с элегантными железными конструкциями и стеклами, как в парижских квартирах. Мы занимали целый этаж, восемь комнат на четверых — мои родители, мой брат и я, в то время это было неслыханно. Четыре спальни, столовая, огромный салон (так мы называли гостиную), кухня, две ваннные комнаты и комната для прислуги. В салоне стояли шкафы, полные книг, большой черный рояль, а стены были завешены картинами. Из-за того, что мама была директором Музея революции, она могла посещать студии художников и покупать их холсты — картины, написанные под влиянием Сезанна, Боннара, Виллара, а также много абстрактных работ.

В молодости я считала, что наша квартира была верхом роскоши. Потом я узнала, что она принадлежала богатой еврейской семье и была конфискована во время нацистской оккупации. Позже я также поняла, что картины, развешанные мамой по стенам нашей квартиры, были не очень хорошими. Оглядываясь назад, я думаю, что наш дом был ужасным местом по этой, и по другим причинам.

У моей матери Даницы и отца Войина, известного как Войо, был невероятный роман во время Второй мировой войны. Изумительная история: она была прекрасна, он был красив, и каждый спас жизнь другого. Мама была майором и командовала отрядом на передовой, который находил раненых партизан и доставлял их в безопасное место. Но однажды во время немецкого наступления она заболела тифом. Она была в бессознательном состоянии, у нее был жар, почти полностью накрытая простынкой она лежала среди тяжелораненых.

Она могла бы легко умереть там, если бы мой отец не был любителем женщин. Увидев ее длинные волосы, торчащие из-под простынки, он приподнял ткань, чтобы взглянуть на ее лицо. Когда он увидел, как красива она была, то отнес ее в безопасное место в деревню неподалеку, где ее выходили крестьяне.

Спустя шесть месяцев она вернулась на фронт снова доставлять раненых солдат в госпиталь. Там в одном из смертельно раненых она мгновенно узнала человека, спасшего ее. Мой отец умирал от потери крови, крови для переливания не было. Выяснилось, что у них с мамой одна группа крови, она стала его донором и так спасла ему жизнь.

Как в сказке. Потом война вновь их разлучила.

Но они снова нашли друг друга и, когда война закончилась, поженились. В следующем году родилась я — 30 ноября 1946 года.

Накануне ночью моей маме приснился сон, что она родила гигантскую змею. На следующий день, когда она вела заседание партии,

у нее отошли воды. Она отказалась прерывать совещание и поехала в больницу, только когда встреча завершилась.

Я родилась раньше срока, роды были тяжелыми. Плацента вышла не до конца, и у матери начался сепсис. Она снова чуть не умерла и пролежала в больнице почти год. Длительное время после этого ей было сложно продолжать работать и воспитывать меня.

Первое время обо мне заботилась горничная, работавшая в нашем доме. У меня было плохое здоровье, я мало ела и была кожа да кости. У горничной был сын того же возраста, что и я, которому она скармливала все, что я не съела. Мальчик стал большим и толстым. Когда к нам в гости пришла моя бабушка Милица, мать моей матери, и увидела, какой тощей я была, она ужаснулась. Она тут же забрала меня к себе, я прожила у нее шесть лет, пока не родился мой брат. Родители навещали меня только по выходным. Для меня они были незнакомцами, появлявшимися раз в неделю с подарками, которые мне не нравились.

Говорят, ходить я не любила. Бабушка сажала меня на стул за кухонный стол, уходила на рынок, а когда возвращалась, я сидела на том же месте. Не знаю, почему я отказывалась ходить. Мне кажется, это могло объясняться тем, что меня все время передавали из одних рук в другие. Я ощущала себя лишней, может быть, мне казалось, если я пойду, то снова лишусь обретенного места.

Проблемы в отношениях родителей начались практически сразу, возможно, еще до моего рождения. Их свела невероятная история любви и привлекательная внешность — их свел вместе секс, — но много всего остального развело их. Мама была интеллектуалкой из состоятельной семьи, училась в Швейцарии. Я помню, как бабушка рассказывала, что, когда моя мама ушла из дома, чтобы примкнуть к партизанам, она оставила шестьдесят пар обуви, взяв с собой только крестьянские ботинки.

Семья моего отца была бедной, но они были героическими военными. Его отец, майор, был отмечен наградами. А сам папа до войны сидел в тюрьме за коммунистические идеи.

Для мамы же коммунизм был абстрактной идеей, чем-то, о чем она узнала в Швейцарии, изучая Маркса и Энгельса. Стать партизанкой было для нее идеологическим выбором, даже модным. А для отца это был единственный путь, потому что он вышел из бедной семьи, к тому же из семьи воинов. Он был настоящим коммунистом. Он верил, что коммунизм может изменить классовую систему.

Мама любила ходить на балет, в оперу, на концерты классической музыки. Папа любил жарить на кухне поросят и пить со своими товарищами из партизанского движения, то есть общего у них не было практически ничего. Это привело к очень несчастливому браку. Они все время ругались.

Неравнодушие отца к женщинам, когда-то сведшее их с матерью, тоже сыграло в этом свою роль.

С самого начала их брака он изменял ей. Мать ненавидела это, а вскоре возненавидела и его самого. Естественно, я об этом сначала ничего не знала, пока жила с бабушкой. Но когда мне исполнилось шесть и родился мой брат Велимир, меня забрали обратно в родительский дом. Новые родители, новый дом, новый брат, и все одновременно. И практически сразу моя жизнь стала хуже.

Я помню, мне так хотелось обратно к бабушке, потому что там я чувствовала себя в безопасности. Там было так спокойно. Все эти ее ритуалы утром и вечером придавали дню особый ритм. Бабушка была очень религиозной, и вся ее жизнь строилась вокруг церкви. Каждое утро в шесть часов она зажигала свечку и молилась. А в шесть вечера она зажигала другую свечку и снова молилась. Я ходила с ней в церковь каждый день, пока жила с ней, и выучила всех святых. В ее доме всегда пахло ладаном и свежесваренным кофе. Она жарила зеленые кофейные зерна и потом вручную молола их. Я ощущала глубокое чувство умиротворения в ее доме.

Когда я начала снова жить с родителями, мне стало не хватать этих ритуалов. Мои родители просыпались утром, работали весь день,

оставляя меня с горничными. К тому же я очень ревновала к брату. Он был мальчиком, первым сыном, он мгновенно стал фаворитом. Так заведено на Балканах. У родителей моего отца было семнадцать детей, но мать отца держала при себе только фотографии сыновей, дочерей — никогда. Рождение моего брата было воспринято как великое событие. Позже я узнала, что, когда родилась я, отец даже не сказал об этом никому, когда же родился Велимир, Войо гулял с друзьями, выпивал, палил в воздух и потратил много денег.

И что еще хуже, вскоре у брата развилась форма детской эпилепсии — у него начались приступы, и все стали порхать вокруг него и уделять ему еще больше внимания. Однажды, когда никто не следил (мне было тогда шесть или семь), я попыталась помыть его и чуть не утопила, я положила его в ванну, а он бултыхнулся и ушел под воду. Если бы бабушка не вытащила его, я была бы единственным ребенком в семье.

Конечно, меня наказали. Наказывали меня часто, за малейшие провинности, и наказывали, применяя физическую силу — били и давали пощечины. Наказывали меня мать и ее сестра Ксения, которая одно время жила с нами, отец — никогда. Они избивали меня до посинения, у меня были повсюду синяки. Иногда они применяли и другие методы. В нашей квартире был потайной гардероб, глубокая и темная кладовка — на сербско-хорватском «плакар». Поверхность двери была вровень с поверхностью стены, и ручки у нее не было, чтобы ее открыть, ее нужно было толкать. Я была очарована этой кладовкой и одновременно боялась ее. Ходить туда было запрещено. Но когда я вела себя плохо или когда моя тетя или мама говорили, что я вела себя плохо, меня запирали в этой кладовке.

Я очень боялась темноты. Но этот плакар был наполнен привидениями и духами — светящимися созданиями, бесформенными, тихими и совсем нестрашными. Я разговаривала с ними. Для меня их присутствие не было сверхъестественным. Они просто были частью моей реальности, моей жизни. И как только я включала свет, они исчезали.

Мой отец, как я и говорила, был очень симпатичным мужчиной с сильными, суровыми чертами лица и густой гривой, придающей ему властный вид. Героическое лицо. На военных фотографиях он практически всегда заснят на белом коне. Он сражался в составе 13-й Черногорской дивизии, отряде головорезов, осуществлявших молниеносные рейды на немцев — это требовало невероятной отваги. Многие его друзья были убиты на его глазах.

Его младший брат был взят в плен нацистами и замучен до смерти. Отряд головорезов моего отца схватил солдата, убившего его брата, и привел к нему. Мой отец не застрелил его. Он сказал: «Никто не может вернуть моего брата к жизни» — и отпустил того солдата. Он был воином и глубоко этически относился к сражению.

Мой отец никогда не наказывал меня ни за что, никогда не бил, и я полюбила его за это. И несмотря на то что он много времени провел в военных командировках, пока мой брат был маленьким, постепенно мы с Войо стали друзьями. Он всегда делал для меня приятные вещи. Я помню, как он водил меня на карнавалы и покупал конфеты.

В такие выходы мы редко бывали с ним наедине, его обычно всегда сопровождала одна из его подружек. Подружка покупала мне чудесные подарки, которые я счастливая приносила домой, говоря: «О, прекрасная дама со светлыми волосами купила мне все это». Моя мама выбрасывала их в окно.

Брак моих родителей был похож на войну — я никогда не видела их целующимися, обнимающимися или выказывающими друг другу симпатию. Может быть, это была привычка с партизанских времен, но они спали с пистолетами на прикроватных тумбочках! Я помню, как однажды, в тот редкий период, когда они разговаривали друг с другом, отец пришел домой на обед, и мама спросила его: «Будешь суп?». И когда он ответил утвердительно, она подошла сзади

и вылила горячий суп ему на голову. Он закричал, оттолкнул стол, перебил всю посуду и выбежал. Это напряжение было всегда. Они никогда не разговаривали. У нас никогда не было рождественских праздников, когда бы все были счастливы.

Мы вообще не праздновали Рождество, потому что были коммунистами. Но моя бабушка была очень религиозной и отмечала православное Рождество 7 января. Это было чудесно и ужасно. Чудесно, потому что она готовилась к нему во всех деталях в течение трех дней — специальная еда, украшение, все. Но она была вынуждена завешивать окна черными шторами, потому что праздновать Рождество в те дни в Югославии было опасно. Шпионы составляли списки семей, собирающихся по праздникам, потому что правительство награждало за доносы. Моя семья по одному приезжала к бабушке и за закрытыми шторами мы отмечали Рождество. Бабушка была единственной, кто был способен собрать и объединить мою семью. Это было прекрасно.

И традиции были также красивы. Каждый год бабушка пекла сырный пирог и запекала в нем серебряную монету. Если тебе на зуб попадала монета, и зуб не ломался, это означало удачу. Монету нужно было хранить до следующего года. Она также посыпала нас рисом — считалось, кому достанется больше риса, тому достанется больше процветания в следующем году.

Ужаснее всего было то, что родители не разговаривали друг с другом даже в Рождество. И каждый год я получала в подарок что-то полезное, но что мне совсем не нравилось. Шерстяные носки или какие-то книжки, которые мне надо было прочитать, или фланелевую пижаму. Пижамы всегда были на два размера больше, мама говорила, она сядет после стирки, но этого никогда не происходило.

Я никогда не играла в куклы. Мне никогда и не хотелось кукол. Я вообще не любила игрушки. Я предпочитала играть с тенями машин на стене или лучом света из окна. Свет делал видимыми частички пыли в воздухе, и я воображала, что это маленькие

планеты с галактическими пришельцами, прилетевшими к нам в гости на лучах света. А в плакаре жили светящиеся существа. Мое детство было наполнено духами и невидимками. Я могла видеть тени и мертвых людей.

~

Одним из моих самых больших страхов был страх крови, моей собственной. Когда я была маленькой и мать с тетей били меня, у меня повсюду были синяки, а из носа постоянно текла кровь. А когда у меня выпал первый молочный зуб, кровотечение не прекращалось три месяца. Мне приходилось спать сидя, чтобы не захлебнуться. В конце концов родители отвели меня к врачу, и выяснилось, что у меня заболевание крови, сначала подозревали лейкемию. Отец с матерью положили меня в больницу, где я провела почти год. Мне было шесть лет. Это был самый счастливый период моего детства.

Все в моей семье были добры ко мне. Они приносили мне настоящие подарки, чтобы я поправлялась. Все в больнице были добры ко мне. Это был рай. Врачи продолжали брать анализы и выяснили, что у меня была не лейкемия, но что-то мистическое, возможно психосоматическая реакция на побои мамы и тети. Меня сначала по-всякому лечили, а потом отправили домой, где побои продолжались, ну, может быть, стали немного реже.

От меня ожидалось безропотное принятие наказания. Я думаю, что в каком-то смысле мама тренировала меня стать солдатом, как она. Она могла быть неоднозначным коммунистом, но была жесткой. Настоящие коммунисты обладали решимостью, позволяющей им проходить сквозь стены, — спартанской решимостью. «Боль, я могу терпеть боль, — сказала Даница мне впоследствии в интервью. — Никто никогда не слышал и не услышит, как я кричу». В кабинете стоматолога она настаивала, чтобы зуб ей тащили без анестезии.

Самодисциплине я научилась у нее и всегда боялась ее.

Мать была одержима порядком и чистотой, отчасти благодаря своему военному прошлому, а с другой стороны, возможно, так она реагировала на хаос в ее браке. Она могла разбудить меня посреди ночи, если считала, что у меня простыни в беспорядке. Я до сих пор сплю на одной половине кровати, абсолютно неподвижно. Когда я просыпаюсь утром, мне остается только накрыть постель покрывалом. Когда я сплю в отеле, мое присутствие там даже незаметно.

Я также узнала, что называл меня папа, и называл он меня в честь солдата, в которую был влюблен на войне. Ее разорвало гранатой у него на глазах. Маму эта привязанность возмущала и обижала до глубины души, и, по ассоциации, я думаю, она испытывала такие же чувства ко мне.

Фиксация Даницы на порядке проникла в мое бессознательное. Меня постоянно мучил кошмар про симметрию, очень тревожный сон. В этом сне я была генералом, инспектирующим огромную линию идеальных солдат. Потом я убирала одну пуговицу с формы одного солдата, и весь порядок рушился. Я просыпалась в абсолютной панике. Я так боялась нарушить симметрию.

В другом повторяющемся сне я входила в салон самолета, в котором не было ни одного пассажира. Все ремни безопасности были аккуратно уложены, за исключением одного. И при виде его меня охватывала паника, как будто я была виновата в этом. В этом сне я всегда была виноватой в нарушении симметрии, что было непозволительно, и некая высшая сила наказывала меня за это.

Я считала, что мое рождение нарушило симметрию родительского брака — их отношения стали ужасными и жестокими после моего рождения. И мать всю мою жизнь говорила, что я такая же как отец, который ушел. Симметрией и порядком мать была одержима так же сильно, как и искусством.

С шести или семи лет я уже знала, что хочу быть художницей. Мать наказывала меня за многое, но в отношении этого вдохновляла.